

Цзян Байчжоу тут же оказался в затруднении.

Он никогда прежде не совершал столь неразумных поступков, и просить обратно подарок — не то, что подобает благородному мужу.

Если бы он знал заранее, что Лун Ин сможет вырастить это семя цветка, он бы не отдал его так легко. Это была его ошибка, и её необходимо исправить, иначе Море Бескрайности могло столкнуться с неожиданными бедствиями.

После гибели его наставника тяжёлый груз защиты Море Бескрайности пал на его плечи.

— Может, сделаем так: я обменяю его на что-нибудь другое? Чего ты хочешь? — Цзян Байчжоу понимал свою неправоту, его голос звучал тихо и мягко, почти с уговаривающими нотками.

Но окаменелое выражение лица Лун Ина ничуть не смягчилось, и он упрямо произнёс:

— Нет, мне нужно только оно.

Цзян Байчжоу: «...»

Радость от встречи со старым другом испарилась без следа, и атмосфера стала странной.

Если бы Цзян Байчжоу захотел забрать цветок силой, Лун Ин не смог бы его остановить. Но просить об этом словами уже было верхом бестактности, а пытаться отобрать его силой — разве не стало бы ещё большей наглостью?

Цзян Байчжоу на мгновение лишился дар речи. Лун Ин смотрел на него, не отрывая глаз, и в его взгляде таилась невыразимая словами печаль. Вдруг он произнёс:

— Братец Чжоу, я думал, ты обманул меня.

Цзян Байчжоу посмотрел на него.

Лун Ин продолжил:

— Шесть лет назад ты сказал, что в день, когда распустится Шаосюэ, мы непременно встретимся. Я знал, что ты говоришь так лишь для того, чтобы утешить меня, но всё равно тешил себя надеждой и год за годом ждал цветения. Два дня назад оно наконец распустилось. Я был вне себя от радости и просидел у цветка всю ночь, но ты не пришёл.

— ...

— Я думал, ты больше не появишься.

Лун Ин заметил удивление на лице Цзян Байчжоу.

Он невольно подумал: чему же удивляется братец Чжоу? Неужели распутившемуся раз в шесть лет цветку или его ожиданию?

— Я всё это время ждал тебя. — Лун Ин набрался храбрости и сам взял Цзян Байчжоу за руку.
— Пожалуйста, не... не забирай его и не ненавижь меня.

Лун Ин не был человеком красноречивым, и обычно, если можно было обойтись без слов, он молчал.

Это было связано с его детскими воспоминаниями.

Как правило, люди, которые много говорят, приобретают привычку болтать главным образом потому, что рядом есть те, кто готов их слушать, либо потому, что другие вынуждены прислушиваться к их словам, поскольку они обладают властью отдавать приказы.

У Лун Ина всё обстояло с точностью до наоборот: в ранние годы он был одинок и беспомощен, о нём никто не заботился, и, разумеется, никто не смотрел на него с доброй улыбкой и терпением, чтобы выслушать его сокровенные мысли. Он без чьей-либо помощи научился проглатывать всю боль и не выпускать её наружу, ведь рядом была ещё Лун Синь. Самим собой он не представлял ничего, но оставался опорой для младшей сестры и не мог показывать слабинку.

Лун Синь росла худенькой, не избалованной, но пугливой, словно пожелтевшая от засухи дикая трава, которую один-единственный зимний мороз мог свести в могилу. Лун Ин смертельно боялся, что она умрёт, и порой пытался её утешить, но слов почти не тратил — стоило сказать чуть больше, и Лун Синь начинала плакать, а от её слёз Лун Ину становилось только тоскливее.

Несколько лет брату с сестрой негде было жить, и они ютились в полуразвалившейся лачуге вместе с толпой нищих. В комнате стояли общие лежанки, людей набилось много, а места было мало. Они забивались в угол и старались как можно меньше привлекать к себе внимание, смертельно боясь выдать себя хоть звуком и навлечь на себя гнев похожих на свирепых бандитов старых нищих, чтобы потом не быть избитыми.

Проведя так много лет, Лун Ин естественным образом вырос молчаливым и неразговорчивым человеком, и даже когда позже обрёл власть отдавать приказы другим, он по-прежнему не любил болтать.

Пожалуй, больше всего слов за всю свою жизнь он сказал Цзян Байчжоу.

Хотя, строго говоря, и тогда это нельзя было назвать болтливостью — в те годы Цзян Байчжоу даже звал его Маленьким Немогласом.

Находясь рядом с Цзян Байчжоу, он отчаянно пытался угодить, но внешне проявлял в лучшем случае десятую или сотую долю того, что таилось у него в душе.

Он крепче сжал руку Цзян Байчжоу и повторил:

— Не ненавижь меня.

Цзян Байчжоу на мгновение замер, взглянул на него, а затем улыбнулся.

У Цзян Байчжоу была поразительно яркая внешность, и красивому человеку любая улыбка к лицу, но скрытые в ней беспомощность и удивление словно говорили: «Ты мне почти незнаком, какая уж тут любовь или ненависть». Лун Ин отвёл взгляд, делая вид, что ничего не понимает, и продолжил сам по себе:

— Все эти годы я так сильно скучал по тебе, братец Чжоу. Во снах мы воссоединялись бесчисленное множество раз, но каждый раз это оказывалось лишь пустой надеждой. Сегодня... ты ведь настоящий?

— Да, я настоящий.

Лун Ин внезапно оживился, и Цзян Байчжоу тоже не мог держаться слишком холодно, однако он никак не мог взять в толк, что означают слова Лун Ин. Ждал его шесть лет? Тосковал дни напролёт? Было ли это правдой или лишь намеренно преувеличенной светской вежливостью?

Людей было трудно понять, а опыта общения с ними у Цзян Байчжоу катастрофически не хватало.

Но ударить в грязь лицом не хотелось, и он с деланным мастерством похлопал Лун Ина по тыльной стороне ладони, принимая вид старшего брата, после чего мягко произнёс:

— Я тоже скучал по тебе.

— ...

Лун Ин опешил. Согретый его фальшивыми словами, он почувствовал, как в груди распускаются цветы, щёки мгновенно запылали, и во всём теле словно вмиг прочистились меридианы, возвратив бодрость и ясность духа.

Цзян Байчжоу продолжил:

— Не заметил, как пролетело столько лет. Когда мы расставались в прошлый раз, ты был вот таким.

Он поднял руку, показывая уровень собственной груди.

— Едва доставал мне до плеча. А теперь —

Цзян Байчжоу шагнул вперёд, чтобы сравнять рост, и его дыхание смешалось с дыханием Лун Ина, переплетясь с ароматом цветов в воздухе так, что их уже невозможно было разделить. Лун Ин отрешённо вдохнул этот запах, и его взгляд на миг затуманился.

Цзян Байчжоу ничего не заметил. Он поднял руку, намереваясь потрепать Лун Ина по макушке, но тот уже не был тем тощим и мелким мальчишкой — Цзян Байчжоу больше не мог легко дотянуться до его головы, а бесцеремонно гладить по голове взрослого мужчину не позволяли приличия.

С сожалением опустив руку, Цзян Байчжоу произнёс:

— Как же быстро ты вырос. Сколько тебе Тебе сколько лет в этом году?

— Двадцать один.

Радость в сердце Лун Ина росла, как бамбуковые побеги после весеннего дождя.

— Прошло шесть лет, я так сильно изменился, а брат остался прежним.

— Хм, неужели? На самом деле я тоже изменился.

Цзян Байчжоу отошёл от него, огляделся по сторонам, и его взгляд снова упал на Шаосюэ перед статуей божества.

— Как тебе удалось вырастить его?

— Об этом долго рассказывать. Давай перейдём в другое место и поговорим там не спеша, хорошо? Я хочу оказать брату достойный приём.

<http://bllate.org/book/26782/3212921>